

Зал ожидания

Когда он вошел в зал ожидания вокзала, там было светло, холодно, а у полукруглого окошечка кассы, на скамейке, тихо плакала женщина. Он не успел увидеть ее лица, потому что она торопливо отвернулась к окну, за которым были видны ночь и звезды.

— Здравствуйте, — негромко произнес он.

Она не ответила.

Он пожал плечами, опустил на пол шарабан, прислонил к стене коловорот и подошел к стоящей справа от порога высокой круглой печке — она была холодной, но рядом лежали охапка березовых дров, горка лучин и несколько полосок бересты.

Женщина чуть слышно всхлипнула.

Он расстегнул полушубок, присел на корточки и открыл дверцу печки. Из нее пахло запахом сырости и золы.

Он глубоко вздохнул, посмотрел в сторону женщины, задумчиво заметил:

— Странно все-таки жизнь устроена, я вам скажу. Вот вы, наверное, не поверите, но я на эту станцию приезжаю, чтоб не забыть, как пахнет зола, как дрова потрескивают. Женщина посмотрела на него из-за плеча и тут же отвернулась.

— Не верите? — спросил он, перехватив ее взгляд.

Она промолчала.

— У нас в детском доме, в комнате, точно такая же печка была. И мы, пацаны, по вечерам, особенно когда во дворе была непогода, сидели, смотрели на огонь и слушали сказки нянечки. Старая, помню, была нянечка. Руки теплые, мягкие. Сказки она нам рассказывала длинные-длинные и всегда с хорошим концом. Знаете, такие, где добро всегда побеждает зло, а Иван-дурак женится только на красивой принцессе... — он усмехнулся. — А кто их сейчас, сказки-то, рассказывает? Да и где рассказывать-то? Не у газовой же плиты, — он снова посмотрел на женщину: она

по-прежнему смотрела в окно. — С впечатлениями от сказок и засыпали. А утром... Утром мы наперегонки не куда-нибудь, а к печке. Открывали дверцу, засовывали в нее голову и загадывали желание, веря нянечке, в то, что его подхватит ветер и отнесет тому человеку, которого ты очень ждешь, что оно обязательно сбудется.

— Сбывались? — тихо спросила женщина, не поворачивая головы.

— Случалось, но очень и очень редко, — неохотно обронил он, складывая в печке из лучин и бересты маленький костерок.

— У меня, к примеру, не сбывались. Верно, силенок у ветра не хватило, то ли... — не договорил, бережно укрыл костерок полешками и чиркнул спичкой.

Крохотный ярко-оранжевый язычок пламени жадно вцепился в бересту, свернул ее трубочкой, осмелел, впился в лучину, окреп, втиснулся между полешками... Запахло дымком, смолой...

Дрова были сухими, и огонь быстро набрал силу.

Он подбросил поленьев, пододвинул к печке стоящую рядом скамью, негромко окликнул:

— Идите греться.

Женщина медленно встала, не поднимая головы подошла, села и протянула руки к огню, а он направился к шарабану.

Издали послышался нарастающий шум, и вскоре мимо станции, ревя от натуги дизелями, прошел тяжело груженный состав.

Стекла в окне мелко задрожали. Женщина зябко передернула плечами.

Когда шум состава пропал среди тишины, он достал термос, налил в его крышку чай и молча протянул ей.

Она с благодарностью посмотрела на него, развязала на голове платок и стала медленно пить, не отводя глаз от огня.

Он переступил с ноги па ногу, принес и поставил перед дверцей печки шарабан, сказал:

— Вы ноги грейте.

— Спасибо, — тихо уронила она.

— Не за что, — буркнул он и подошел к окну. Она внимательно посмотрела ему вслед и неслышно заплакала, вытирая тыльной стороной ладони мелкие, частые слезы. Пойду покурю, — сказал он и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Мороз окреп. Небо над головой было в крупных звездах. Их было много, по света их с трудом хватало, чтобы уронить на снег хилую тень.

Он сошел с крыльца, поднял воротник полушубка, закурил и прошел по тропинке на маленький, неряшливо очищенный от снега перрон, скудно освещенный висящей на столбе лампочкой.

Мимо бежали рельсы. Вдалеке пронзительно-красным взглядом смотрел в ночь мачтовый семафор. Было необычайно тихо. Так тихо, что было слышно, как где-то в лесу хрустела, обломившись под тяжестью снега, ветка.

Неожиданно из-за тучи, что висела по ту сторону путей, выглянула луна. Она была белой и улыбалась, глядя на земную жизнь.

С ее появлением тени на снегу углубились, стали видны угловатый поворот дороги со стоящим на краю покосившимся километровым столбом с цифрой «О», вываленная на бровку пачка хлыстов...

Эта дорога вела в небольшой лесной поселок, до которого было немногим больше пяти километров.

Он представил, как женщина идет среди холода, темноты леса, и негромко выругался...

Когда он вернулся в зал ожидания, там было тепло, лежащие на полу у билетной кассы комочки снега превратились в крохотные лужицы, а женщина по-прежнему сидела на скамье, не отводя глаз от огня.

— Мороз, — уронил он, прикладывая ладони к покатому боку печки. — А к утру еще поднажмет.

— Замерзнете на озере, — тихо заметила женщина, подняв на него глаза.

— Ерунда, — легко отозвался он, прислонясь к печке спиной. — Главное, чтобы ветра не было... А вы-то как, согрелись?

— Согрелась, — она слабо улыбнулась. Множество мелких, частых морщин появилось на ее лице, делая его испуганным и старым.

Из комнаты дежурного по вокзалу прозвучал и тут же смолк телефонный звонок. — Мое желание тоже не сбылось, — неожиданно и тихо сказала женщина. — А было оно, как мне тогда казалось, совсем маленьким и легким, — она грустно улыбнулась, протянула крышку: — Спасибо.

Он кивнул, закрыл и положил термос в шарабан, хотел что-то спросить, но не спросил, только потер небритый подбородок. Стало тихо. В печке негромко потрескивали дрова.

— Извините за нескромный вопрос, — тихо произнесла женщина. — Вы женаты?

— Нет, — он отрицательно покачал головой, сел на противоположный край скамьи.

— Чего же так?

Он дернул плечами, усмехнулся:

— Королевы не нашел. Верно, Иваны-дураки, да и то в сказках, на всех королевах переженились, а нам, смертным, одни фрейлины остались... Жарковато становится, — он снял шапку, пригладил редкие, тронутые сединой волосы и посмотрел на часы.

— Сколько уже? — негромко спросила женщина.

— Четвертый час.

— Вы, наверное, спать хотите, — сказала женщина. —

Так вы ложитесь, я вам не помешаю.

Он отрицательно покачал головой, снова посмотрел в сторону окна, заметил:

— Зима в этом году уж больно свирепая.

— Весна теплой будет... Так всегда бывает... Уже немного осталось.

— Весна... — он весело рассмеялся. Она вопросительно посмотрела на него.

— Да снова детский дом вспомнил, — обронил он. Шумно пошевелился. — Кажется, в классе четвертом или пятом мы, мальчишки, тем девчонкам, которые нравились, колечки из пятнадцатикопеечных монет делали. Если она возьмет — значит она твоя невеста, и ни один мальчишка к ней уже не приставал. У нас в этом отношении было ой как строго, — он мечтательно улыбнулся и продолжил: — У меня красивая девчонка была. Вы не поверите, но она даже сейчас мне нет-нет и приснится. Я, помню, колечко ей большое подарил, а пальчики у нее тонюсенькие были, прозрачные... как у вас. Так она то колечко на шее носила, на веревочке, вместо нательного крестика... Столько лет прошло!

Где теперь та девчонка? Где колечко? Выбросила, наверное, или потеряла. Детство — оно и есть детство. — Он шумно вздохнул, повернулся к ней лицом: — И знаете, что я вам скажу. Что бы там ни говорили, а в весне мало радости, а вот грусти... — провел ребром ладони по шее.

Весны тоже разными бывают, — тихо заметила женщина.

— Вот ведь вы ту, первую, давнюю, помните.

— Я их много помню, — жестко уронил он. — Их всех на баловство тянет, на измену... Нет уж, зима — она крепче, надежней. А ту весну... Она первая. Первая — она и есть первая. Издалека слышался шум, и вскоре мимо станции, бойко постукивая па стыках, промчался порожняк.

Когда шум пропал, в коридоре раздались торопливые шаги, дверь отворилась, и вошел мужчина, держа в руках женскую шубу. Лицо у него было красным, а брови и ресницы — в инее. Он тяжело дышал.

— Ну и мороз, — уронил он, подойдя к печке. — Не мороз, а зверь лютей. — Положил шубу на скамью, попросил: — Вы бы не могли выйти на минутку? Нам поговорить надо. Он посмотрел на женщину. Она сидела, низко опустив голову.

— Пожалуйста, — он пожал плечами. Закрывая дверь, услышал: «Ну, что ты дуришь? Ну, погорячился я. Мало ли чего в жизни бывает...» Он вышел на перрон.

Луны не было — только звезды. Мачтовый семафор сменил пронзительно-красный свет на мягко-зеленый, и где-то далеко-далеко слышался шум приближающегося поезда.

Он закурил, сунул руки в карманы полушубка и стал неторопливо ходить по перрону, поглядывая в сторону вокзала... Они вышли вместе. Женщина держала мужчину под ручку, на ней была шуба.

Пройдя несколько шагов, она оглянулась и что-то крикнула: то ли «прости», то ли «прощай». Но он не расслышал, потому что мимо станции, лязгая железом, шумно дыша, проходил поезд.

Когда состав ушел в ночь, к другой станции, мужчина вернулся в зал ожидания. В нем было тепло и пусто....